

ИССЛЕДОВАНИЯ

Кирилл Маслинский

ПЕРЕВОДЫ ДЕТСКИХ КНИГ С ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР: БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА (1922–1984)

Как и советская литература в целом, советская детская литература институционально и символически была выстроена как многонациональная. К сожалению, национальная структура советского детского книгоиздания практически не попадает в фокус внимания современных исследователей. В статье представлены статистические данные о масштабах и динамике переводов детских книг с языков народов РСФСР и СССР на русский язык. Материалом для статьи послужили библиографические указатели «Детская литература» за 1918–1984 гг. Полученные данные позволяют ответить на вопросы: какая доля из общих ресурсов советского детского книгоиздания отводилась на издание переводов с национальных языков СССР? Как эти ресурсы распределялись между различными языками? Каков жанровый состав произведений, переведившихся с этих языков? Библиографические данные показывают, что на переводы с языков СССР выделялась значительная доля ресурсов советского детского книгоиздания, однако в жанровом отношении эти переводы заметно отличались от переводов с более статусных западноевропейских языков.

Ключевые слова: литература народов СССР, детская литература, библиографические данные, переводы

Советская литература позиционировала себя как многонациональная. Начиная с писательских объединений 1920-х кооптация национальных писателей из регионов РСФСР и СССР была характерным признаком формирующихся институциональных структур советской литературы [Dobrenko 2022]. Многонациональность

Кирилл Александрович Маслинский
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
kmaslinsky@pushdom.ru

литературы стала неотъемлемой частью официального нарратива уже с Первого Всесоюзного съезда советских писателей в 1934 г. [Гусейнов 1988]. Советская детская литература в этом отношении не отличалась от литературы в целом и обладала примерно тем же набором институциональных инструментов для оформления многонациональности: национальные детские писатели среди членов Союза писателей, централизованное планирование издания детской литературы на национальных языках, периодические обзоры национальных детских литератур в центральной периодике или в виде отдельных изданий, и, наконец, публикация переводов детских книг с языков «народов СССР». Однако если проблема многонациональной структуры советского литературного канона имеет некоторую исследовательскую традицию [Добренко 2011, Кукулин 2020, Witt 2013, Dobrenko, Smola 2022], то национальное измерение советской детской литературы остается по преимуществу не замеченным исследователями.

Переводы в системе литературы — хороший индикатор ее позиционирования в символическом поле относительно других национальных литератур. Особенно привлекательно, что объем переводов с того или иного языка легко обратить в количественный измерительный инструмент. В классических исследованиях по социологии литературы было показано, что объем переводов напрямую связан с асимметрией статуса культур и политических объединений. Чем выше статус языка в мире (чем весомее ассоциированные с ним совокупные политические и культурные ресурсы) — тем больше переводов с этого языка на языки более «периферийные» [Heilbron 1999].

Параллельно в постколониальных исследованиях было отмечено, что в рамках выстроенных колониальными империями асимметричных отношений культур существуют и обратные потоки переводов — с языков колонизированных групп на языки метрополий [Bassnett, Trivedi 1999, Niranjana 1992, Kruger 2012]. Функции таких переводов интерпретируются по-разному: от культурной апроприации до легитимации колониальной практики. В советском контексте перевод детских книг с распространенных на территории СССР языков на русский был весьма распространенным явлением. Прямой перенос колониальной логики на советский случай может быть проблематичным, и этот вопрос много дискутировался в литературе [Эткинд 2013, Абашин 2011]. Важное различие для культурного трансфера, пожалуй, в том, что советская национальная политика на некоторых этапах включала элементы ускоренной мо-

дернизации и «позитивной дискриминации» национальных культур [Мартин 2011, Hirsch 2022], что нетипично для классических колониальных империй XIX в. Тем не менее между переводами с языков колонизированных групп и с национальных языков СССР есть существенные структурные сходства: в обоих случаях речь идет о переносе из менее статусных литературных и культурных систем в более статусную в контексте, где культуры-источники репрезентируются сквозь призму экзотизирующего взгляда. До какой степени переводы с советских национальных литератур можно уподобить аналогичному «обратному» переносу в постколониальной ситуации — вопрос для теоретической дискуссии. Однако для ее развития будут полезны общие сведения о масштабах и динамике этого процесса в советской детской литературе.

Предмет рассмотрения в настоящей статье — статистика переводов детских книг с языков народов РСФСР и СССР на русский язык. Такая статистика доступна нам благодаря еще одному институту структурирования символического поля литературы — библиографии. Количественные данные из библиографических источников позволяют поставить вопросы: какая доля из общих ресурсов советского детского книгоиздания отводилась на издание переводов с национальных языков СССР? Как эти ресурсы распределялись между различными языками? Каков жанровый состав произведений, переведившихся с этих языков? Я вижу свою задачу в том, чтобы сгруппировать данные и представить их в виде серии стилизованных фактов (*stylized facts*) с целью привлечь внимание к этому материалу и стимулировать дальнейшие исследования.

Данные и методология

Основным источником для меня послужил 18-томный библиографический указатель «Детская литература» И. И. Старцева и его последователей, охватывающий период с 1918 по 1984 гг. Старцев включал в свой указатель книги для детей, изданные на территории СССР на русском языке. Среди них можно выделить переводные издания благодаря указанным в библиографической записи сведениям об ответственности (имя переводчика) и языке оригинала.

Статистика рассчитана по материалам датасета, созданного на основе указателей Старцева [Маслинский 2022]. В ходе подготовки датасета указатели были оцифрованы, данные в них унифицированы и местами уточнены. В том числе для переводных изданий добавлено поле «язык оригинала». Информация для этого

поля была извлечена из библиографических записей в автоматизированном режиме с помощью регулярных выражений. Основанием для заполнения поля было либо прямое указание на язык оригинала в библиографических данных, либо, при его отсутствии, косвенное указание на язык в заглавии или подзаголовке издания (*X-ие народные сказки, По мотивам X-их легенд* и т. п.). Разного рода переработки, сокращения и адаптации для детей учитывались наравне с прочими переводными изданиями.

Оценивая результаты, следует принимать во внимание следующие ограничения. При подсчете переводов не учитывались билингвальные издания (в том числе издания с двуязычными словарями) для национальных школ, служившие для обучения русскому языку. Не были учтены и сборники переводов со многих языков («Сказки народов СССР» и подобные), так как полный список языков в этом случае не указывается в библиографической записи. Для 4 % изданий, опознанных как переводные, не удалось автоматически установить язык оригинала. Просмотр этих случаев показал, что большая часть из них приходится на переводы с западноевропейских языков. Наконец, полнота сведений о выходящих книгах естественным образом ограничена полнотой указателей Старцева.

Вторым источником данных послужили материалы советских переписей населения [Итоги 1973]. Они необходимы для того, чтобы составить общий список языков, использовавшихся в СССР, которые могли бы служить источником для переводов. По существу, номенклатура национальностей и перепись были одним из важнейших инструментов советской национальной политики [Hirsch 2022]. Поскольку категория национальности была в советской административной системе центральной, список идиомов, считавшихся «языками народов СССР», в высокой степени зависел от политических и административных решений, формулировавшихся в терминах национальностей и национальных территорий. Например, мокшанский и эрзянский языки долгое время объединялись в общую категорию «мордовский язык», а среди нескольких десятков дагестанских языков в переписи учитывались не более 12. Данные переписи удобны в этом отношении потому, что они отражают ту самую административную реальность, в рамках которой советская власть управляла национальностями и распределяла ресурсы. В том числе известно, что количество изданий на национальных языках в СССР регулировалось административно и зависело от статуса национальной территории, если язык был титульным, и количества носителей [Алпатов 2000, 113–115].

Список национальностей (и языков) в советских переписях населения стабилизировался начиная с переписи 1959 г. Это языки, «видимые» в административной оптике центральной власти в СССР, и они же были значимы для построения многонационального канона советской литературы. В переписи указывались различные языки, названные в качестве родных, однако для дальнейшего анализа учтены только те языки, которые можно считать «внутренними» для СССР. Так, из рассмотрения исключены миноритарные языки, преимущественно распространенные или являющиеся титульными в государствах за пределами СССР (например, немецкий, новогреческий и др.). В итоговом списке получилось 84 языка (без русского).

Для того чтобы учесть различие в статусе языков в рамках СССР, я разделил список языков на две большие категории: с одной стороны, титульные языки союзных республик (14 языков)¹, с другой — все прочие миноритарные языки, как выступающие титульными языками автономных образований внутри РСФСР, так и не связанные с автономными территориями (60 языков), а также учтенные в союзной переписи миноритарные языки на территории союзных республик² (например, абхазский, картвельские языки, всего 7). С точки зрения советской административной системы особую подгруппу миноритарных языков составляли языки популяций, не имевших автономий, которые нельзя отнести к одной союзной республике (идиш³, цыганский, ассирийский).

Код и данные для воспроизведения всех приведенных в статье расчетов опубликованы в [Маслинский 2024].

Объем переводов с языков народов СССР в общем потоке детского книгоиздания

Всего в данных из указателей «Детская литература» за 1918–1984 гг. содержится 71 584 записи об изданиях, из них 10 035 (14 %) — переводные. Это относительно низкий процент переводов в общем потоке детских книг, если сравнивать с данными о доле переводов в других национальных детских литературах (в Финляндии 80 % переводных детских книг, в Италии и Нидерландах — более 40 %, в Германии — около 30 %, в Великобритании 2,5–5 %, в США — 1–2 %) [O’Sullivan 2005, 67–68].

Распределение всех переводов по группам языков представлено в таблице 1. Под меткой «ссср» здесь сгруппированы все титульные языки союзных республик. Бросается в глаза, что почти

Таблица 1. Доля переводов с разных групп языков (1918–1984)

язык	изданий	% изд.	тираж (млн экз)	% тиража
иностраннй	4963	49,4	743,6	53,8
ссср	2942	29,3	384,2	27,8
миноритарный	1735	17,3	221,8	16,0
язык не указан	400	4,0	33,2	2,4

половина всех переводных изданий приходится на «внутренние» языки СССР. Этот факт заслуживает внимания, если исходить из представления о том, что в целом в системе мировой литературы объем переводов пропорционален статусу языка-источника. Применительно к национальным языкам СССР не приходится говорить о высоком статусе. Высокая доля переводов скорее свидетельствует о значительных инвестициях в репрезентацию национального советского пространства в рамках колониальной логики.

Суммарные доли переводов за весь советский период не отражают того факта, что переводы в Советском Союзе были политически весьма чувствительной темой, их общий объем и относительный вес языков значительно колебались в зависимости от конъюнктурных обстоятельств. Как хорошо видно на графиках на рис. 1, детские книги не были защищены от этой конъюнктуры. Самая значительная составляющая в амплитуде этих колебаний — переводы с иностранных языков. Можно обратить внимание на резкие пики публикации иностранных детских книг, приходящиеся на период оттепели и на 1930-е гг. (последнее, вероятно, связано с искусственно созданной ситуацией недостатка авторов на рынке детских книг и резко возросшим влиянием С. Маршака, см. об этом подробнее [Маслинский, Маслинская 2022]).

На этом фоне доля переводов с «внутренних» языков показывает устойчивый тренд, сходный для миноритарных языков и титульных языков советских республик. До 1937 г. такие переводы почти незаметны, а с 1950-х их доля в общем потоке изданий стабилизируется и остается неизменной до конца наблюдаемого периода. Тонкое отличие в том, что для титульных языков союзных республик отчетливой рубежной датой выступает 1950 г., в то время как доля изданий на миноритарных языках в послевоенный период растет постепенно. Интерпретируя эти графики, следует учитывать, что здесь приведены процентные доли от всех издававшихся в соответ-

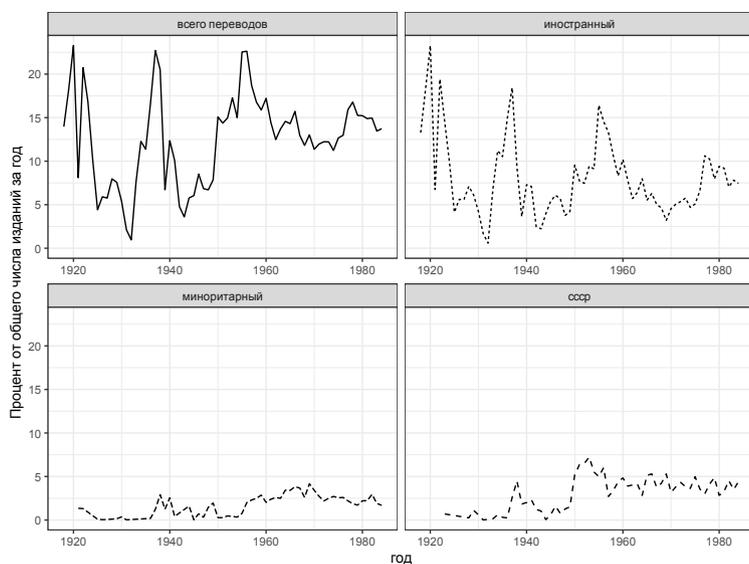

Рис. 1. Колебания доли переводов с разных групп языков со временем

ствующем году детских книг (включенных в указатели Старцева). Поскольку в послевоенный период объем детского книгоиздания постоянно возрастал, стабильная доля переводов с миноритарных языков фактически означает, что в абсолютных числах количество публикуемых переводов с языков СССР непрерывно росло. Более того, стабильная процентная доля выступает косвенным свидетельством целенаправленной политики (квот) по отношению к публикации таких переводов. Таким образом, суммарная высокая доля переводов с миноритарных и республиканских языков сложилась в основном за счет периода после 1950 г.

Титульные языки союзных республик

Сводные данные по объему переводов детских книг с титульных языков союзных республик представлены в таблице 2. Для каждого языка указано количество изданий, суммарный тираж (млн экз.), общее количество разных авторов (указанных в качестве авторов в библиографической записи). Если соотнести количество

Таблица 2. Переводы с титульных языков союзных республик (1918–1984)

язык	изд.	тираж (млн экз)	авторов	центр	впервые	ССР с
украинский	616	104,5	156	71,6	1923	1922
грузинский	146	18,2	59	70,5	1931	1936
белорусский	359	52,0	111	46,0	1935	1922
казахский	117	11,1	52	40,2	1935	1936
армянский	184	32,2	56	73,4	1936	1936
таджикский	126	13,0	36	39,7	1937	1929
узбекский	183	15,6	63	35,0	1938	1925
азербайджанский	156	18,9	62	36,5	1941	1936
литовский	159	19,3	49	55,3	1942	1940
эстонский	226	19,4	80	33,6	1942	1940
латышский	221	27,2	81	46,6	1943	1940
молдавский	198	23,2	63	30,3	1946	1940
туркменский	100	10,1	35	48,0	1951	1925
киргизский	150	19,6	59	26,7	1953	1936

изданий и количество разных авторов, видно, что среднее количество изданий на одного автора колеблется от 2,5 (грузинский) до 4 (украинский). В колонке *центр* указан процент переводов, опубликованных в Москве и Ленинграде (сюда же включались издания, где в выходных данных помимо столицы указан какой-либо региональный центр). По этому показателю выделяется группа из трех языков (грузинский, армянский и украинский): более 70 % переводов на русский с этих языков публиковались в центральных издательствах, и только 30 % — в соответствующих республиках. Высокая доля центральных изданий говорит, скорее всего, об относительно высоком статусе соответствующих языков и культур в глазах метрополии. Для сравнения, в Москве и Ленинграде издавалось 70 % из всех оригинальных произведений на русском языке, для западноевропейских языков доля центральных изданий составляет 75 %, а для древних — 82 %. На противоположном конце шкалы находятся киргизский, молдавский и эстонский — переводы с этих языков на русский были ориентированы прежде всего на локальные республиканские аудитории, менее трети из них публиковалось в центре. Постколониальные исследования подсказывают в данном случае интерпретацию, сводящуюся к культурной апроприации и освоению «чужого» для русскоязычного населения этих республик [Tumoczko 1999, 31].

Данные в таблице отсортированы по году первого учетного в библиографии переводного издания (колонка *впервые*). Для справки в последней колонке приведена дата включения в состав СССР в статусе союзной республики. В большинстве случаев первые переводы детских книг на русский язык появляются после даты получения статуса союзной республики. Для двух исключений (грузинский и казахский) следует отметить, что соответствующие территории и ранее входили в состав СССР, но не в статусе самостоятельных союзных республик. Интересно сравнить величину задержки между получением статуса союзной республики и первым переводом детской книги на русский язык. Обращает на себя внимание случай эстонского, латышского и литовского языков — для всех трех появление переводов происходит в течение первых трех лет после присоединения к СССР, притом что в Советской России в предыдущие двадцать лет ни одного перевода с этих языков не зафиксировано. С одной стороны, такая конфигурация свидетельствует о высоком политическом давлении, направленном на скорейшую культурную интеграцию присоединенных территорий, а с другой — подчеркивает именно внутривнутриполитическую функцию такого рода переводов, при отсутствии независимого от нее процесса культурного обмена с соседями в сфере детской литературы. Но не для всех титульных языков получение статуса союзной республики означало быстрое появление переводов детской литературы. То, что такая установка на быструю интеграцию детской литературы не была универсальной для советских республик, показывают случаи на противоположной стороне шкалы. Например, для киргизского и туркменского интервал до появления первого перевода детской книги на русский составил 17 и 26 лет соответственно.

Сравнивая между собой количество переводов с разных языков, необходимо учитывать, что эти языки различаются между собой не только административным статусом и политическими обстоятельствами, но и величиной, то есть количеством носителей. Корреляция количества носителей языка с количеством создаваемых и переводимых на другие языки литературных текстов — довольно надежно установленная закономерность в экономике языка [Heilbron, Sapiro 2016]. Более того, для советского случая есть основания полагать, что количество носителей было явным ориентиром для языковой и издательской политики [Алпатов 2000, 115]. Соотношение между количеством носителей (оцененное по данным всесоюзной переписи населения 1970 г.)⁴ и общим количеством изданных переводов детских книг с данного языка представлено

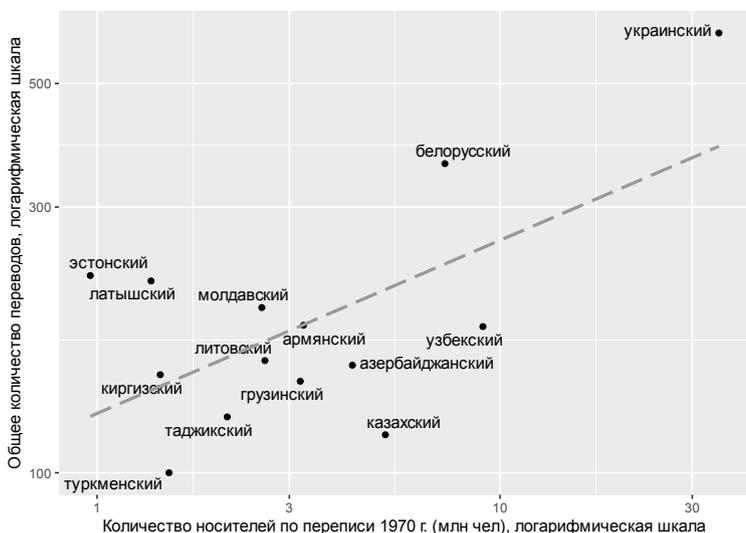

Рис. 2. Соотношение между количеством носителей языка и количеством переводов детских книг

на рис. 2. Для лучшей читабельности график дан в логарифмической шкале, благодаря чему отчетливо видна линейная зависимость: чем больше носителей, тем больше переводов детских книг. Любопытно отметить, что языки, сравнимые по количеству носителей, могут довольно заметно различаться по количеству переводов, например, с латышского переводили намного больше, чем с туркменского, а с белорусского — намного больше, чем с узбекского. Очевидно, что количество носителей языка позволяет предсказать лишь порядок величины для количества переводов, и значительный разброс между сходными по числу носителей языками должен объясняться другими факторами, в частности, глубиной литературной традиции и институциональным развитием детской литературы.

Миноритарные языки

Из составленного на основании переписей списка в 70 миноритарных языков, всего в библиографических указателях детской литературы зафиксированы переводы с 57 языков (80%). Оставшиеся 15 языков, детские книги с которых не переводились, распада-

ются на две основные группы. Первая — это миноритарные языки, распространенные прежде всего (или исключительно) на территории союзных республик, но не РСФСР (белуджский, караимский, талышский, удинский, уйгурский). Собственно, из всех учтенных в переписи миноритарных языков других республик переводы детских книг на русский есть только с абхазского и крымскотатарского (последний — всего два издания: в 1927 и 1976 гг.). Вторая группа языков, с которых не переводились детские книги, — младописьменные или бесписьменные языки РСФСР с небольшим количеством носителей (менее 10 тыс. человек, назвавших язык родным по переписи 1970 г.). Это несколько из так называемых языков народов Севера (алеутский, кетский, корякский, селькупский, тофаларский), некоторые из дагестанских языков (агульский, рутульский, цахурский), а также ижорский.

Как и для титульных языков, для миноритарных наблюдается такого же рода корреляция между количеством носителей языка и количеством переводов (рис. 3). Здесь также виден достаточно большой разброс в количестве переводов детских книг для языков

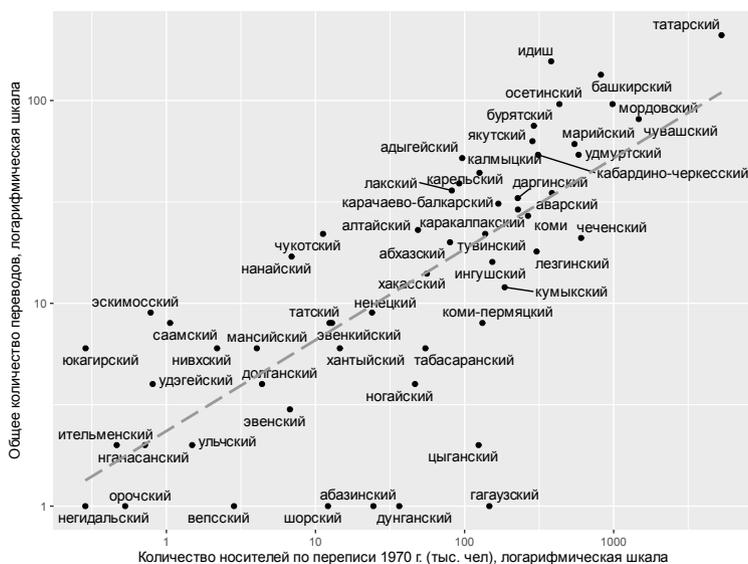

Рис. 3. Соотношение количества носителей (по переписи 1970 г.) и количества переводов с миноритарных языков

со сходной численностью носителей: например, переводов с идиш больше, чем с чеченского, с адыгейского больше, чем с цыганского.

Сводные данные по объему переводов с миноритарных языков приведены в таблице 3. Здесь для каждого языка приведены оценочные данные по числу носителей на 1970 г. (количество респондентов, указавших язык в качестве родного), общее количество изданных переводов, общий тираж, количество разных авторов. В колонке *центр* приведен процент изданий, вышедших в Москве и Ленинграде. В силу немногочисленности изданий данные в этой колонке варьируют от 0 до 100 процентов, и отражают степень регионализации языка: чем ниже доля центральных изданий, тем выше интерес к языку на региональном уровне. Данные в таблице отсортированы по году публикации первого зафиксированного в библиографии перевода (колонка *впервые*).

Таблица 3. Переводы детских книг с миноритарных языков (1918–1984)

язык	носители (тыс.)	изд.	тираж (млн)	авторов	центр	впервые
татарский	5290.2	210	22.1	81	33.3	1921
удмуртский	581.8	54	7.4	21	29.6	1922
идиш	380.7	156	50.6	26	94.9	1922
алтайский	48.7	23	3.7	10	43.5	1926
крымскотатарский	0.2	2	0.1	2	100.0	1927
осетинский	432.4	96	8.6	34	51.0	1930
адыгейский	96.4	52	4.9	11	25.0	1936
калмыцкий	125.8	44	4.1	19	40.9	1937
эвенкийский	12.9	8	0.6	2	37.5	1937
лезгинский	304.1	18	1.1	7	66.7	1938
вепсский	2.8	1	0.0	1	100.0	1939
кабардино-черкесский	310.9	54	3.8	23	59.3	1940
чувашский	1472.4	81	5.8	40	38.3	1944
башкирский	820.7	134	13.4	53	44.8	1946
бурятский	291.4	75	4.1	34	45.3	1946
якутский	285.3	63	5.4	29	65.1	1948
карельский	92.0	39	8.6	3	30.8	1948
аварский	385.2	35	6.8	7	80.0	1950
хантыйский	14.6	6	0.8	4	50.0	1950
нанайский	6.9	17	2.8	6	58.8	1950
коми	266.2	27	1.2	15	29.6	1951
каракалпакский	228.0	29	2.5	12	41.4	1952
хакасский	55.8	14	1.0	7	42.9	1952
марийский	545.9	61	4.4	27	41.0	1953

Таблица 3. Переводы детских книг с миноритарных языков (1918–1984) (продолжение)

язык	носители (тыс.)	изд.	тираж (млн)	авторов	центр	впервые
абхазский	79.8	20	1.3	8	55.0	1953
татский	12.4	8	1.4	4	100.0	1953
мордовский	982.4	96	10.1	34	29.2	1954
даргинский	227.2	33	4.0	6	75.8	1954
чукотский	11.2	22	2.9	9	50.0	1956
нивхский	2.2	6	0.3	4	16.7	1956
удэгейский	0.8	4	0.3	3	25.0	1956
коми- пермяцкий	131.7	8	0.5	3	62.5	1957
кумыкский	185.8	12	1.3	5	66.7	1959
карачаево- балкарский	168.4	31	7.4	10	77.4	1959
гагаузский	146.6	1	0.0	1	0.0	1959
лакский	82.0	36	10.2	10	86.1	1959
ненецкий	23.9	9	1.5	5	33.3	1959
эскимосский	0.8	9	1.5	3	44.4	1959
тувинский	137.6	22	1.2	8	50.0	1960
шорский	12.1	1	0.1	1	0.0	1960
мансийский	4.0	6	0.9	2	83.3	1961
ингушский	153.5	16	0.8	5	68.8	1963
табасаранский	54.6	6	0.6	4	33.3	1964
чеченский	604.7	21	1.5	11	38.1	1965
абазинский	24.5	1	0.0	1	100.0	1965
саамский	1.1	8	1.2	3	62.5	1966
дунганский	36.4	1	0.2	1	100.0	1970
юкагирский	0.3	6	0.6	3	50.0	1970
ногайский	46.5	4	0.4	3	100.0	1971
цыганский	124.1	2	0.6	1	100.0	1973
орочский	0.5	1	0.1	1	100.0	1974
долганский	4.4	4	0.9	2	75.0	1976
ульчский	1.5	2	0.4	1	0.0	1977
нганасанский	0.7	2	0.8	1	100.0	1977
эвенский	6.7	3	0.2	2	66.7	1978
негидальский	0.3	1	0.2	1	100.0	1979
ительменский	0.5	2	0.3	2	100.0	1980

Интересно проследить последовательность включения миноритарных языков в систему советской детской литературы через переводы на русский язык. В первом приближении в этой последовательности можно выделить несколько периодов (волн).

- 1922–1930 В начальный период (1920-е) издания переводов с миноритарных языков крайне немногочисленны, и список языков, переводы с которых всё же публикуются, очень невелик. Здесь появляются прежде всего языки с достаточно развитой письменной традицией и высокой степенью интеграции в культурное поле со времен российской империи (татарский, идиш, осетинский, алтайский, крымскотатарский).
- 1936–1940 Следующая волна переводов детских книг с миноритарных языков приходится на конец 1930-х гг. и, по-видимому, отражает первый этап целенаправленной политики построения многонациональной советской культуры [Zemskova 2018]. Список языков здесь очень разнородный в региональном отношении, здесь есть и языки Кавказа (адыгейский, лезгинский), европейского севера (вепсский), Сибири (эвенкийский) и степного юга (калмыцкий).
- 1944–1948 Послевоенные 1940-е выглядят периодом «заполнения пробелов», когда впервые появляются переводы с титульных языков наиболее крупных автономных образований внутри РСФСР, детские книги с которых ранее не переводились (чувашский, башкирский, бурятский, якутский, карельский).
- 1950–1966 С 1950 г. и в течение последующих 15 лет продолжается период широкого охвата миноритарных языков, который в статистике выглядит как систематическая работа над репрезентацией народов РСФСР. В этот период впервые появляются переводы детских книг с тех языков репрессированных национальностей, для которых до момента депортации переводы еще не были сделаны. Так объясняется относительно позднее в соотношении с числом носителей появление переводов с чеченского и ингушского.
- 1970–1980 Последняя волна переводов приходится на 1970-е гг. В этой волне появляются издания, переведенные прежде всего с языков народов Севера, большая часть из которых к этому моменту уже находится в весьма угрожаемом положении на разных стадиях языкового сдвига. Публикация переводов для детей в этот момент, с одной стороны, говорит о достаточно высокой степени институционализации литератур на младописьменных миноритарных языках, а с другой, — может отражать стремление к документированию исчезающей

культуры, укладывающееся в рамки нарратива о советском многонациональном разнообразии.

Жанровый состав

Как было показано выше, в количественном отношении объем переводов с языков народов СССР к концу советского периода практически достиг объема переводов со всех иностранных языков, среди которых, конечно, доминируют гораздо более престижные западноевропейские (и для детской литературы — скандинавские) языки. Однако принципиально разная культурная и политическая функция двух этих групп переводов проявляется в том, какого рода тексты переводились. В постколониальных исследованиях много внимания уделялось всевозможным приемам отбора и экзотизации импортируемых из колонизированных культур текстов и нарративов [Cheyfitz 1997, McGillis 1999]. В советском контексте не менее важна проблема переноса в советские национальные литературы соцреалистического стиля письма и соответствующих нарративов [Monticelli 2011, Smola 2022]. Этого же можно ожидать и в содержании переводимых с языков народов СССР детских книг.

Хотя по библиографическим данным оценить содержание и стиль не представляется возможным, в качестве удобного прокси к ним можно воспользоваться жанровыми метками. Я исхожу в данном случае из предположения, что различие в социальных и символических функциях переводов с языков с разным статусом относительно русского должно проявиться в общем жанровом составе переводов. Действительно, если сгруппировать языки по их относительному статусу и обобщить жанровые метки до крупных категорий, то значительная разница в жанровых профилях между иностранными языками и языками народов СССР бросается в глаза (см. таблицу 4). Жанровые метки для анализа автоматически извлечены из подзаголовков или иногда из заглавий произведений.

Таблица 4. Жанровый состав переводов с разных групп языков (1918–1984)

языки	поэзия	сказка	фольклор	драма	проза	без жанра
миноритарный ссср	34.2 32.3	27.3 20.6	1.5 0.7	1.5 1.6	30.5 37.1	4.9 7.6
иностраннный оригинал	5.6 18.6	24.9 10.2	0.9 1.4	2.9 2.8	45.6 37.2	20.1 29.9

В группу *поэзия* отнесены стихи, поэма, басня, баллада, в группу *проза* — повесть, роман, очерк, бэль, новелла, притча. *Драма* включает также пьесу, комедию и трагедию. *Сказка* выделена в особую категорию в силу ее значимости для детской литературы. Все прочие фольклорные жанры (загадки, легенда, былина, потешки, пословицы, поговорки, миф, предание) объединены в группу *фольклор*. Произведения с неуказанным или неустановленным жанром помещены в группу *без жанра*, значительная часть из них не относится к художественной литературе (нон-фикшн, рекомендательная литература и т. п.). В последней строке таблицы (*оригинал*) для сравнения приведены сводные данные по жанровому составу оригинальных изданий на русском языке.

Как можно видеть, переводы с языков народов СССР выделяют очень высокой долей поэзии (более 30%), что резко контрастирует с минимумом поэзии в переводах с иностранных языков (чуть более 5%) и почти вдвое превышает даже долю поэзии в оригинальной русскоязычной литературе. Напротив, доля безжанровых текстов в переводах относительно низка, что свидетельствует, по-видимому, о том, что с менее престижных языков переводятся только художественные тексты, а нехудожественная литература тут почти или совсем отсутствует, в отличие от переводов с западноевропейских языков.

Сравнительное положение разных языков относительно друг друга с точки зрения жанрового состава переводов можно формализовать и визуализовать с помощью статистического метода — анализа соответствий (*correspondence analysis*). Результаты анализа соответствий по всем отмеченным в библиографических указателях Старцева языкам представлены на рис. 4. Оси графика сформированы теми жанровыми категориями, по доле которых переводы с разных языков наиболее противопоставлены друг другу. Каждый язык представлен одной точкой на плоскости, заданной жанровыми категориями. Положение точки относительно «якорей» жанровых категорий говорит об относительном преобладании соответствующих жанров среди переводов с данного языка. Учитывая погрешности измерения, не следует придавать слишком большого значения точному положению конкретных языков, однако общая форма графика и группировка языков говорят о многом.

Горизонтальная ось графика соответствует уже сделанному по сводной таблице наблюдению: с левой стороны находятся безжанровые и прозаические тексты, а также драма, которым противопоставлены отнесенные направо поэзия и сказка, а также фольклор.

Расположение языков разных групп относительно этой оси говорит само за себя: слева находятся почти все западноевропейские, а также древние языки — в переводах с этих языков относительно высока доля прозы и безжанровых текстов. Напротив, с правой стороны сгруппировались почти все языки СССР, как титульные языки союзных республик, так и прочие миноритарные. Это положение объясняется относительно высокой долей продуктов «колониального литературного экспорта» — разного рода фольклора, к которому в советском случае примыкает также поэзия. Интересным отклонением выступает эстонский язык, переводы с которого довольно сильно отличаются по жанровому составу от всех прочих титульных языков союзных республик, включая литовский и латышский. В частности, доля поэзии в переводах с эстонского относительно низка — всего 14 %, а доля безжанровых изданий, наоборот, повышена — 25 %.

Вертикальная ось графика сформирована несколько менее весомым, но тем не менее вполне заметным противопоставлением между сказкой и поэзией: в жанровом составе переводов чаще в большей степени преобладает только одна из этих групп. Можно отметить, что в правой части графика точки языков довольно отчетливо разделяются на две ветви. В верхней ветви сгруппированы языки, для которых сказка является преобладающим (а иногда и единственным) переводным жанром. Показательно, что в этой группе наряду с миноритарными языками (эскимосский, ительменский, тувинский) и многие «экзотические» иностранные языки: японский, африканские, албанский, хинди. Нижняя ветвь сформирована языками, с которых на русский переводилось достаточно много поэзии. В этой группе оказались все титульные языки советских республик (кроме эстонского), а также внушительная группа миноритарных языков, включая идиш и цыганский.

Значительная роль поэзии в качестве литературного импорта из миноритарных языков в советском контексте — феномен, требующий отдельного объяснения. Этот эффект может быть следствием того, что на миноритарных языках писали больше детской поэзии, либо с этих языков ее больше переводили. В «молодых» литературах, институционализация которых началась уже в советскую эпоху, поэзия занимала более заметное место, чем проза⁵, что, в свою очередь может объясняться относительной простотой создания поэтических текстов в отсутствие устойчивой институциональной базы. Кроме того, детская поэзия могла быть востребована как литературный материал, задействованный в создании

учебных текстов (букварей и школьных учебников) на миноритарных языках. С другой стороны, перевод поэзии был важным экономическим инструментом, позволявшим выживать советским литераторам, в том числе не имевшим возможности публиковать собственные произведения. А распространенность практики поэтического перевода с подстрочников делала перевод с миноритарных языков доступным для широкого круга литературных специалистов [Witt 2013, Kamovnikova 2019]. Этот вопрос заслуживает дальнейшего осмысления и анализа.

Заключительные замечания

Представленные в этой заметке данные и наблюдения позволяют заключить, что в символической конструкции советской детской литературы национальные языки занимали вполне определенную и устойчивую нишу, по-видимому, во многом симметричную положению национальных литератур в советском каноне в целом. Если судить по доле ресурсов, затрачивавшихся советской книгоиздательной системой на переводы детских книг с миноритарных языков и титульных языков союзных республик, поддержание этой ниши было достаточным приоритетной задачей для советского литературного истеблишмента. Тем не менее сравнительный анализ жанрового состава переводов показывает, что с точки зрения материала, выбранного для перевода, языки СССР очень отличались от более статусных западноевропейских языков. Если в количественном отношении объем культурного трансфера в детскую литературу в форме переводных изданий изнутри и снаружи СССР оказывается почти равным, то в качественном — это совершенно очевидно явления разной функциональной природы. Процессы, связанные с переводом с миноритарных советских языков, по-видимому, объясняются прежде всего задачами символического и культурного освоения дифференцированного этнического и языкового пространства СССР, одним из методов которого выступала институциональная и нарративная интеграция национальных текстов в систему советской литературы.

Примечания

- ¹ Сюда включены все республики (и соответствующие языки), имевшие статус союзных к моменту распада СССР, независимо от того, какой статус имела соответствующая территория на момент образования СССР.

- ² Особый статус миноритарных национальностей (и языков) на территории союзных республик подробно обсуждается Кристой Гофф в терминах «вложенного национализма» [Goff 2020]. Двойное миноритарное положение таких языков задавало их особенную административную и символическую непрозрачность для взгляда из метрополии.
- ³ Номинально идиш считался титульным языком Еврейской автономной области с центром в Биробиджане, однако условность этой привязки отчетливо проступает даже в данных советских переписей, где видно, что подавляющее большинство носителей идиш находилось совсем на других территориях.
- ⁴ В советских переписях этого периода основной классифицирующей категорией выступал не язык, а национальность, однако приводились сведения и о количестве респондентов, назвавших родным «язык своей национальности». При всех оговорках и ограничениях, связанных с интерпретацией ответов на вопрос о родном языке [Беликов 1997], данные переписи позволяют оценить относительный порядок количества носителей. Релевантность данных переписи в нашем случае подкрепляется тем, что именно на эти данные опиралась советская администрация в своих решениях, в том числе относительно издательской политики.
- ⁵ Этим наблюдением со мной поделился Илья Кукулин при обсуждении черновой версии статьи, я очень благодарен ему за этот и другие комментарии.

Литература

Источники

Итоги 1973 — Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: [В 7 т.] Т. 4: Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов, 1973.

Гусейнов 1988 — Гусейнов Ч. Г. о глы Этот живой феномен: Советская многонациональная литература вчера и сегодня. М.: Советский писатель, 1988.

Маслинский 2022 — Маслинский К. А. Библиография детской книги 1918—1984 // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору. 2022. Версия V2. DOI: 10.31860/openlit-2022.12-B010.

Маслинский 2024 — Маслинский К. А. Код и данные для воспроизведения исследования: «Переводы детских книг с языков народов СССР: библиографическая статистика (1922–1984)» // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору. 2024. Версия V1. DOI: 10.31860/openlit-2024.6-R007.

Исследования

Абашин 2011 — Абашин С. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа/практики // *Ab imperio*. 2011. № 3. С. 193–210. DOI: 10.1353/imp.2011.0036

Алпатов 2000 — Алпатов В. М. 150 языков и политика, 1917–2000: социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. [Изд. 2-е, доп.]. М.: Крафт+, ИВ РАН, 2000.

Беликов 1997 — Беликов В. И. Надежность советских этнодемографических данных // *Малые языки Евразии: социолингвистический аспект*. М.: МГУ, 1997. С. 12–43.

Добренко 2011 — Добренко Е. Найдено в переводе: рождение советской многонациональной литературы из смерти автора // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 4(78). С. 236–262.

URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/4/najdeno-v-perevode-rozhdenie-sovetskoj-mnogonaczialnoj-literatury-iz-smerti-avtora.html>.

Кукулин 2020 — Кукулин И. Русская литература во главе «младших братьев» (эпизод из новейшей истории российского школьного образования) // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 6. С. 414–429.

Мартин 2011 — Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.

Маслинский, Маслинская 2022 — Маслинский К. А., Маслинская С. Г. В Канон через тираж: о неравенстве доступа писателей к печати детских книг в советскую эпоху // *Детские чтения*. 2022. № 2 (22). С. 145–173. DOI: 10.31860/2304-5817-2022-2-22-145-173.

Хирш 2022 — Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое Литературное Обозрение, 2022.

Эткинд 2013 — Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Bassnett, Trivedi 1999 — Bassnett S., Trivedi H. Postcolonial translation: Theory and practice. London: Routledge, 2012.

Cheyfitz 1997 — Cheyfitz E. The poetics of imperialism: Translation and colonization from *The Tempest* to *Tarzan*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997.

Dobrenko 2022 — Dobrenko E. Hegemony of Brotherhood: The Birth of Soviet Multinational Literature, 1922–1932 // *Slavic Review*. 2022. Vol. 81. No. 4. Pp. 869–890. DOI: 10.1017/slr.2023.4.

Dobrenko, Smola 2022 — Dobrenko E., Smola K. Cluster: (Multi)National Faces of Socialist Realism — Beyond the Russian Literary canon. Introduction // *Slavic Review*. 2022. Vol. 81. No. 4. Pp. 865–868. DOI: 10.1017/slr.2023.9.

Goff 2020 — Goff K. A. *Nested nationalism: Making and unmaking nations in the Soviet Caucasus*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2021.

Heilbron 1999 — Heilbron J. *Towards a sociology of translation: Book translations as a cultural world-system* // *European journal of social theory*. 1999. Vol. 2. No. 4. Pp. 429–444. DOI: 10.1177/136843199002004002.

Heilbron, Sapiro 2016 — Heilbron J., Sapiro G. *Translation: Economic and sociological perspectives* // *The Palgrave handbook of economics and language* / Eds. by V. Ginsburgh, S. Weber. London: Palgrave Macmillan UK, 2016. Pp. 373–402. DOI: 10.1007/978-1-137-32505-1_14.

Kamovnikova 2019 — Kamovnikova N. *Made Under Pressure: Literary Translation in the Soviet Union, 1960–1991*. Amherst: University of Massachusetts Press, 2019.

Kruger 2012 — Kruger H. *Postcolonial polysystems: The production and reception of translated children's literature in South Africa*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2012.

McGillis 1999 — *Voices of the other. Children's literature and the postcolonial context* / Ed. by R. McGillis. New York; London: Garland publishers, 1999.

Monticelli 2011 — Monticelli D. 'Totalitarian Translation' as a Means of Forced Cultural Change: The Case of Postwar Soviet Estonia // *Between Cultures and Texts. Itineraries in Translation History = Entre les cultures et les texts. Itinéraires en histoire de la traduction* / Ed. by A. Chalvin, A. Lange, D. Monticelli. Peter Lang, 2011. Pp. 187–200.

Niranjana 1992 — Niranjana T. *Siting translation: History, post-structuralism, and the colonial context*. University of California Press, 2023.

O'Sullivan 2005 — O'Sullivan E. *Comparative Children's Literature*. Routledge, 2005.

Smola 2022 — Smola K. (Re)shaping Literary Canon in the Soviet Indigenous North // *Slavic Review*. 2022. Vol. 81. No. 4. Pp. 955–975. DOI: 10.1017/slr.2023.3.

Tymoczko 1999 — Tymoczko M. *Post-colonial writing and literary translation* // *Postcolonial Translation: Theory and practice* / Ed. by S. Bassnett, H. Trivedi. Routledge, 2012. Pp. 19–40.

Witt 2013 — Witt S. *The Shorthand of Empire: Podstrochnik Practices and the Making of Soviet Literature* // *Ab Imperio*. 2013. No. 3. Pp. 155–190.

Zemskova 2018 — Zemskova E. *Soviet Folklore as Translation Project: The Case of Tvorchestvo Narodov SSSR, 1937* // *Translation in Russian Contexts* / Ed. by B. J. Baer and S Witt. New York: Routledge, 2018. Pp. 174–187.

References

- Abashin 2011* — Abashin, S. (2011). Natsii i postkolonializm v Tsentral'noy Azii dvadtsat' let spustya: pereosmyslivaya kategorii analiza praktiki [Nations and Postcolonialism in Central Asia twenty years later: rethinking the categories of analysis/practice]. *Ab imperio*, 3, 193–210. DOI: 10.1353/imp.2011.0036 (In Russian).
- Alpatov 2000* — Alpatov, V. M. (2000). 150 yazykov i politika, 1917–2000: sotsiolingvisticheskiye problemy SSSR i postsovetского prostranstva [150 languages and politics, 1917–2000: sociolinguistic problems of the USSR and post-Soviet space] (2nd ed.). Moscow: Kraft, IV RAN. (In Russian).
- Bassnett, Trivedi 1999* — Bassnett, S., Trivedi, H. (1999). Postcolonial translation: Theory and practice. Routledge, 2012.
- Belikov 1997* — Belikov, V. I. (1997). Nadezhnost' sovetskikh etnodemograficheskikh dannykh [Reliability of Soviet ethno-demographic data]. In: *Malye yazyki Evrazii: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Small languages of Eurasia: Sociolinguistic aspect] (pp. 12–43). Moscow: MSU. (In Russian).
- Cheyfitz 1997* — Cheyfitz, E. (1997). The poetics of imperialism: Translation and colonization from The Tempest to Tarzan. University of Pennsylvania Press.
- Dobrenko 2011* — Dobrenko, E. (2011). Naydeno v perevode: rozhdeniye sovetskoy mnogonatsional'noy literatury iz smerti avtora [Found in translation: the birth of Soviet multinational literature from the death of the author]. *Neprikosnovenny zapas*, 4, 236–262. Retrieved from: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/4/najdeno-v-perevode-rozhdenie-sovetskoy-mnogonacionalnoj-literatury-iz-smerti-avtora.html>. (In Russian).
- Dobrenko 2022* — Dobrenko, E. Hegemony of Brotherhood: The Birth of Soviet Multinational Literature, 1922–1932. *Slavic Review*. 2022. Vol. 81. No. 4. P. 869–890. DOI: 10.1017/slr.2023.4.
- Dobrenko, Smola 2022* — Dobrenko, E., Smola, K. (2022). Cluster: (Multi)National Faces of Socialist Realism — Beyond the Russian Literary canon. Introduction. *Slavic Review*, 81(4), 865–868. DOI: 10.1017/slr.2023.9.
- Goff 2020* — Goff, K. A. (2020). Nested nationalism: Making and unmaking nations in the Soviet Caucasus. Ithaca; London: Cornell University Press.
- Heilbron 1999* — Heilbron, J. (1999). Towards a sociology of translation: Book translations as a cultural world-system. *European journal of social theory*, 2(4), 429–444. DOI: 10.1177/136843199002004002.
- Heilbron, Sapiro 2016* — Heilbron, J., Sapiro, G. (2016). Translation: Economic and Sociological Perspectives. In V. Ginsburgh, S. Weber (Eds.), *The Palgrave Handbook of Economics and Language* (pp. 373–402). Palgrave Macmillan: London. DOI: 10.1007/978-1-137-32505-1_14.

Hirsch 2022 — Hirsch, F. (2022). Imperiya natsiy: Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuza [Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union] (transl. R. Ibatullin). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russian).

Kamovnikova 2019 — Kamovnikova, N. (2019). Made Under Pressure: Literary Translation in the Soviet Union, 1960–1991. Amherst: University of Massachusetts Press.

Kozitskaya 2020 — Kozitskaya, Yu. (2020). Sabit Mukanov's Poem about the Chelyuskinty: An Original without a Translation and a Translation without an Author. *Quaestio Rossica*, 8(2), 503–518. DOI: 10.15826/qr.2020.2.477.

Kruger 2012 — Kruger, H. (2012). Postcolonial polysystems: The production and reception of translated children's literature in South Africa. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Kukulin 2020 — Kukulin, I. (2020). Russkaya literatura vo glave “mladshikh brat'yev” (epizod iz noveyshey istorii rossiyskogo shkol'nogo obrazovaniya) [Russian Literature At the Head of “Younger Brothers” (An Episode of Contemporary History of Russian School Education)]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 6(166), 414–429.

Martin 2011 — Martin, T. (2011). Imperiya “polozhitel'noy deyatel'nosti”. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939 [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1323–1333] (transl. O. R. Shchelokova). Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Prezidentskiy tsentr B. N. El'tsina”. (In Russian).

Maslinskiy, Maslinskaya 2022 — Maslinskiy, K. A., Maslinskaya, S. G. (2022). V Kanon cherez tirazh: o neravenstve dostupa pisateley k pechati detskikh knig v sovetskuyu epokhu [Into the canon through circulation: on the inequality of writers' access to the printing of children's books in the soviet era]. *Detskie chtenia*, 2(22), 145–173. DOI: 10.31860/2304-5817-2022-2-22-145-173. (In Russian).

McGillis 1999 — McGillis, R. (1999). (Ed.). Voices of the other. Children's literature and the postcolonial context. New York, London: Garland publishers, 1999.

Monticelli 2011 — Monticelli, D. ‘Totalitarian Translation’ as a Means of Forced Cultural Change: The Case of Postwar Soviet Estonia. In A. Chalvin, A. Lange, D. Monticelli (Eds.), *Between Cultures and Texts. Itineraries in Translation History = Entre les cultures et les texts. Itinéraires en histoire de la traduction* (pp. 187–200). Peter Lang.

Niranjana 1992 — Niranjana, T. (2023). Siting translation: History, post-structuralism, and the colonial context. University of California Press.

O'Sullivan 2005 — O'Sullivan, E. (2005). *Comparative Children's Literature*. Routledge.

Smola 2022 — Smola, K. (2022). (Re)shaping Literary Canon in the Soviet Indigenous North. *Slavic Review*, 81 (4), 955–975. DOI: 10.1017/slr.2023.3.

Tymoczko 1999 — Tymoczko, M. (1999). Post-colonial writing and literary translation. In S. Bassnett, H. Trivedi (Eds.), *Postcolonial Translation: Theory and practice* (pp. 19–40). Routledge.

Witt 2013 — Witt, S. (2013). The Shorthand of Empire: Podstrochnik Practices and the Making of Soviet Literature. *Ab Imperio*, 3, 155–190.

Zemskova 2018 — Zemskova, E. (2018). Soviet Folklore as Translation Project: The Case of *Tvorchestvo Narodov SSSR, 1937*. In B. J. Baer, S. Witt (Eds.), *Translation in Russian Contexts* (pp. 174–187). Routledge.

Kirill Maslinsky

The Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-9674-2046

TRANSLATION OF BOOKS FOR CHILDREN FROM THE
LANGUAGES OF PEOPLE OF USSR: BIBLIOGRAPHIC STATISTICS
(1918–1984)

Like Soviet literature as a whole, Soviet children’s literature has been institutionally and symbolically constructed as multinational. Unfortunately, the national structure of Soviet children’s book publishing has been mostly neglected by contemporary researchers. The article presents statistical data on the scale and dynamics of translations of children’s books from the languages of the RSFSR and the USSR into Russian. The data comes from the bibliographic indices “Children’s Literature” which covers 1918–1984 years. The data allow to answer the questions: What share of the total resources of Soviet children’s book publishing was allocated to the publication of translations from the national languages of the USSR? How these resources were distributed among different languages? What was the genre composition of works translated from these languages? The bibliographic data indicate that a significant share of the resources of Soviet children’s book publishing was allocated to translations from the languages of the USSR. Meanwhile, in terms of genre composition these translations differed markedly from translations from higher status Western European languages.

Keywords: literature of the peoples of USSR, bibliographic data, translations